

Новое пособие в области южноаравских древностей

Les noms propres sud-sémitiques, par G. RYCKMANS, professeur à l'université de Louvain, tt. I—III. Louvain, 1934—1935, 8°, XX1, 416+135+XXIV, 207. «Bibliothèque du Muséon» № 2.

В первом номере «Вестника древней истории» проф. Д. Нильсен (Копенгаген) справедливо указал на исключительное значение, которое за последнее время для истории древнего мира приобрело изучение культуры Южной Аравии¹. Можно сказать, что к концу первой четверти XX в. в науке окончательно оформилась новая область, которая по наиболее известному государству и диалекту Южной Аравии получила название сабенистики. Путешествия, часто сопряженные с опасностью для жизни, приобретения в населенных пунктах Йемена и других областей Южной Аравии доставили громадный материал; наука из стадии собирания перешла к стадии кабинетной разработки, начала создавать свои фундаментальные своды и пособия². Немалым она обязана, в частности, и автору упомянутой статьи—проф. Д. Нильсену: им было начато издание большого Handbuch'a староаравской древности, к участию в котором привлечены крупнейшие сабенисты нашего времени³. Читатели «Вестника древней истории» могли с радостью узнать из его статьи, что II и III томы этого полезного свода близки к осуществлению. Число сабенистов, в общем, естественно незначительное, продолжает расти и пополняться новыми силами.

С 20-х годов одно из первых мест в этой области по своей систематической работе занял профессор Лувенского университета в Бельгии Г. Рикманс⁴, избранный на Международном конгрессе ориенталистов в Лейдене в 1931 г. секретарем вновь созданной Международной комиссии по изданию и разработке памятников южноаравской древности⁵. По приглашению Парижской Академии надписей он взял на себя с конца 20-х годов неблагодарный и кропотливый труд составления репертуара южноаравских надписей, который уже близок к завершению; три единолично им подготовленных тома являются теперь необходимым и незаменимым пособием для всякого сабениста, при каждой справке убеждающегося, насколько полно и внимательно они составлены⁶. Кроме репертуара надписей, первый выпуск включил полную библиографию научной литературы по сабенистике, доведенную до 1928 г. включительно⁷; в последнем, имеющем выйти в ближайшее время, выпуске она будет доведена до настоящего момента.

Таким же необходимым пособием обещает стать и та фундаментальная работа Г. Рикманса, которой посвящена настоящая заметка,—трехтомный свод южносемитских собственных имен. Как увидим впоследствии, скромное заглавие значительно уже содержания. Материал извлечен составителем исключительно из эпиграфических памятников, но автор не ограничивается одной Южной Аравией, с четырьмя основными катего-

¹ «Вестник древней истории», 1937, № 1, стр. 95 сл.

² Четыре года назад я имел повод подвести некоторый итог наиболее крупным явлениям в этой области за последнее время («Новые материалы из Йемена». «Библиография Востока», вып. 2 — 4, 1934, стр. 8—19).

³ Там же, стр. 9.

⁴ Одна из его первых работ в этой области—список коллекций с южноаравскими надписями—напечатана в 1921—1922 гг. («Le Muséon», 1921, т. 34, стр. 159—171; 1922, т. 35, стр. 131—137).

⁵ Его основные взгляды на состояние этой области резюмированы в трудах конгресса («Actes du XVIII Congrès international des orientalistes», Leiden, 1922, p. 175).

⁶ Общая характеристика этого труда дана мною в упомянутой статье, стр. 9; в настоящее время вышло уже пять выпусков.

⁷ Стр. III—LXXXIII.

риями надписей (сабейскими, минейскими, катанскими и хадрамаутскими), а привлекает и надписи Северной Аравии, восходящие к южноарабской традиции (лихьянские, сафские, самудские), равно как незначительные количественно эфиопские — с другого, абиссинского берега Красного моря. Только в последней, самой скудной по числу находок области Рикманс имел предшественников и мог исходить из списка имен, приложенного Э. Литтманом к одной из его работ по эфиопским надписям (I, V); поэтому они помещены им в приложении (I, 382—383) и не включены в общий список. Во всех других случаях ему приходилось обращаться непосредственно к сырому материалу, так как даже капитальный *Sogrus* хымыритских надписей, который не закончен до настоящего времени, естественно не имеет еще никаких указателей. Составителю пришлось критически самостоятельно пересмотреть около семи тысяч южносемитских надписей (I, X). Главное количество собственных имен дали обыкновенно незначительные по содержанию северноарабские надписи (лихьянские, сафские, самудские), но на первом месте по значению стоят южноарабские, подтверждающие лишь раз положение, высказанное Д. Нильсеном.

Обращаясь к самой работе, не трудно видеть, что только два первых тома остаются в узкой сфере поставленной задачи. Первый том посвящен систематическому перечню (*Répertoire analytique*) собственных имен. Вслед за предисловием (V—X), характеризующим план и систему работы, равно как и принятую классификацию, дан полный перечень (206 номеров) употребляемых сокращений (XI—XX); он полезен и для других работ, так как помогает разобраться в сокращениях, вошедших в сабейистику вообще. Транскрипция принята автором, по установившейся в семитологии традиции, еврейская (XXI). В списке имена распределены по алфавиту в пяти группах с систематической классификацией. Первую (1—35) — представляют очень важные для истории древне-восточных религий вообще имена божеств; вторую, наиболее богатую количественно, — имена личные (36—283). Они распределены по принципу этимологическому и конструктивному. Имена простые разделены на два неравных отдела: имена, производимые от существительных (35—39), и представленные в подавляющем количестве отглагольные (39—217). Следующую категорию составляют имена теофорные (217—253), играющие большую роль во всем древнем Востоке и хорошо известные даже неспециалистам по знаменитому законодателю Вавилона Хаммураби. Малочисленнее группа составных имен другого происхождения (253—271) и тех, которые являются до настоящего времени в науке неразъясненными по своему значению (271—283). Третий основной отдел составляют имена этнических групп (284—320), которые для понимания южносемитской эпиграфики, как и вообще всего древнего мира, играют не меньшую роль, чем собственные. В четвертый отдел выделены географические названия мест (321—347) и пятый, незначительный, составляют названия месяцев (348—381). В приложении даны, согласно намеченному в предисловии плану, имена эфиопские (382—388) — единственный отдел, в котором составитель имел предшественника в лице знатока и исследователя Абиссинии Э. Литтмана.

В связи с медленным печатанием работы, в ходе его накопились некоторые дополнения и поправки, особенно благодаря новым исследованиям и открытиям, в частности и самого составителя; они даны в конце (389—415) с распределением по тем же рубрикам, как и в основной части, и включены в общий алфавитный указатель второго тома. Оглавление завершает первый том (416).

Автор справедливо указывает, что составление единого общего указателя собственных имен было бы значительно проще и, вероятно, удобнее для пользования. Однако он счел нужным дать дифференцированные указатели, потратив значительный труд не только на собирание материала, но и на его классификацию, представляющую во многих случаях серьезную исследовательскую работу. Для облегчения же пользования всеми указателями он не остановился перед тем, чтобы дать к ним специальный алфавитный индекс, который и составил второй том работы (*Répertoires alphabétiques*).

Первый, сравнительно небольшой и, так сказать, частичный индекс (1—20) включает лишь имена производные и второстепенные элементы имен теофорных или вообще сложных, с ссылками на те имена в следующем индексе, под которыми они в нем находятся; этот второй индекс дает полный алфавитный список всех имен (21—134), встречающихся в первом томе, с ссылками на страницы последнего. Согласно принятой системе все указатели даны в еврейской транскрипции.

Двумя томами автор в сущности вполне исчерпал свою задачу, поскольку она касалась собственных южносемитских имен, и Парижская Академия надписей вполне была права, присудив ему премию за один первый том еще в рукописи в 1930 г. Однако он этим не ограничился и в третьем томе дал под тем же скромным названием работу, как он сам справедливо отмечает (III, IV), выходящую далеко за пределы собственных имен—общий конкорданс южносемитских надписей (*Concordance générale des inscriptions sud-sémitiques*). За это ему будут благодарны не только те, кому приходится производить какие-нибудь разыскания по поводу собственных имен, но решительно все, кто имеет дело с южносемитскими и, особенно, южноарабскими древностями вообще; третий том станет настольной книгой для них еще в большей степени, чем первые два. Задача и здесь была и очень сложная и очень кропотливая, как можно судить даже по предисловию (V—VII): южносемитские надписи известны в науке и цитируются то под названием тех коллекций, где они находятся, то по именам местностей, где они были найдены, то по фамилиям лиц, их нашедших, то по именам ученых, их впервые опубликовавших, то еще по каким-либо более случайным признакам. Дать полный конкорданс всех этих обозначений, который в нужных случаях позволял бы разобраться в создавшемся десятилетиями хаосе, внести в него некоторый порядок и в то же время помочь сразу ориентироваться в основной литературе по каждой изданный надписи—задача далеко не из легких. Составитель привел во введении все сокращения и значки, принятые для обозначения основной литературы в этой области; благодаря первой части по встретившемуся сокращению можно узнать, какие работы имеются в виду (VIII—XIX); во второй (XIX—XXIV)—указывается, как надо сокращать цитируемый труд. Самый конкорданс распределяется по основным категориям надписей.

Глава I посвящена северноарабским надписям (1—58) с их тремя важнейшими подразделениями—лихьянских (1—6), сафских (6—30) и самудских (30—59); глава II, занимающая львиную долю по количеству материала,—южноарабским (60—201), и глава III, наименее значительная,—эфиопским (202—203). И в этом томе даны некоторые дополнения в связи с новыми работами (205—206) и оглавление (207). По своему практическому значению этот том можно сравнить только с такими пособиями, как корпус или репертуар южноарабских надписей: в дальнейшем без него не в состоянии будет работать ни один сабист.

Неудивительно, что труд Рикманса потребовал целого ряда лет (III, VI). Первоначально работа была завершена к концу 1929 г. (I, IX). Какие трудности пришлось преодолеть автору при работе типографии, ясно из того, что книгу можно было печатать только по одному листу¹; в связи с этим материал, привлеченный во втором томе, доходит до 1933 г. включительно (II, 21); наконец, предисловие к третьему тому помечено 20 января 1935 г. (III, VI), а в дополнениях к нему (III, 205—206) удалось использовать даже некоторые работы, опубликованные в течение 1935 г. (главным образом, австрийской школы сабистов: М. Höfner, К. Grebenz).

Само собой понятно, что для удачного завершения такого капитального труда автор не мог оставаться узким эпиграфистом или даже вообще семитологом; ему надо было располагать всем историческим материалом, относящимся к соответствующим

¹ Вероятно случайный пропуск заставил в первом томе вставить страницы 222-bis и 222-ter.

эпохам, во всей полноте. Для разъяснения и этимологии собственных имен он систематически привлекает параллели из греческой транскрипции их; во всей широте он пользуется богатым лексическим запасом арабского языка, начиная с классической эпохи и кончая именами или диалектами современных бедуинов. В нужных случаях привлекается параллельный материал из северносемитских языков, вплоть до аккадского.

О степени полноты в привлечении эпиграфического материала и тщательности его проработки удобнее всего судить на каком-нибудь конкретном случае. Я подробнее остановлюсь на разборе только одного примера — отношения к русским работам по сабейстике и немногочисленным материалам в наших собраниях, которые сравнительно незначительны и крайне разбросаны. Едва ли не первой работой в этой области является статья В. Голенищева, выдающаяся коллекция которого украшает московский Музей изобразительных искусств, о знаменитом впоследствии египетско-сабейском саркофаге в Гизе, опубликованная в 1893 г. в «Записках Восточного отделения» (т. VIII, 219—222). Литература о нем впоследствии сильно разрослась¹ и отодвинула на задний план предположения Голенищева. Тем не менее, русская статья его нашла упоминание в работе Рикманса² и известный приоритет за нею сохранен. Коллекция Н. П. Лихачева, перешедшая теперь в ведение Исторического института Академии наук СССР, сохранила экземпляр очень распространенного южноарабского амулета с именем божества Вадд-Аб. Посвященная ему в 1917 г. моя статья («Записки», XXIV, 91—94) тоже фигурирует в работе Рикманса³ с указанием соответствующих параллелей⁴. В собраниях Эрмитажа имеются только три совершенно незначительных южноарабских фрагмента с письменами; тем не менее, Эрмитаж упомянут в труде самостоятельно (III, 103). Посвященная этим фрагментам в 1921 г. заметка В. К. Шилейко⁵ систематически проанализирована с указанием отношения ее отдельных частей к соответствующим номерам других коллекций⁶.

Совершенно естественно, что особое отражение в труде Рикманса должны были найти две южноарабские таблички, приобретенные Академией наук СССР восемь лет назад из Йемена. Еще тогда, когда было опубликовано мною их издание, в 1931 г.⁷, Рикманс посвятил им ценную специальную статью, в которой основательно уточнил понимание некоторых мест⁸. В настоящей работе уделено внимание самим надписям в целом, причем они получают соответственный шифр⁹, и, кроме того, в связи со специальными задачами труда подвергнуты изучению встречающиеся в них собственные имена. Среди них имеются такие, которые были известны по открытым ранее надписям: наименование божества Du Samawi (I, 24), личные имена Sulaim (I, 150) и Binil (I, 221 и дополнение к стр. 258b на стр. 405), связанные с племенными названиями этнические имена Hawliyat (ср. I, 298, 339), Hankiyat (I, 296) географическое название Bauiin (I, 325, ср. 24). Наряду с ними встречаются и такие, которые впервые делаются известными из наших надписей, как имя божества Du Anyat, собственное имя Sammanat (I, 152). Из них я не нашел в указателе единственно только первого, и это обстоятельство уже само по себе говорит, насколько тщательно проделана составителем работа даже в такой области, к которой на Западе часто раньше применялся взгляд: *rossica non leguntur*.

¹ Ср. Répertoire, VI, 151—154, № 3427.

² III, XII и 119 (в ссылке на «Записки» по ошибке указан т. VI вм. VII, как и в библиографии «Репертуара», I, XXVII, № 261).

³ III, XIV.

⁴ III, 86 (=Corpus 590) и 103. Ср. I, 11, 218 и Répertoire, 240, № 3612c.

⁵ «Известия Российской Академии истории материальной культуры», I, 103—105.

⁶ III, XVIII, 86 (=Corpus 579 и 591), 91 (=Corpus C 721), 103, 194. Ср. Répertoire VI, 240, № 3611 и 3612, A и B.

⁷ «Известия Академии наук по ООН», 1931, 427—453.

⁸ «Revue Biblique», XLI année, № 3, 1-er juillet, 1932, 393—397.

⁹ I, XV, № 97; III, XIV, XXI, 138.

Относительно же изданных у нас надписей можно с окончательной уверенностью сказать, что они приобрели полное право гражданства в науке¹.

Типографское выполнение работы стоит на высоте современных требований. Технические трудности встречались здесь немалые, как было уже видно; вероятно, ими объясняется значительное количество опечаток в арабском шрифте. Благодаря корневому расположению указателя, они не вызывают особых затруднений и легко будут исправлены читателем. Иногда они попадают и в европейских словах: например, фамилию арабского ученого в Иерусалиме Magmadji составитель почему-то систематически передает Magmadji².

В итоге можно сказать, что книга Рикманса—одна из тех, которые при своем появлении сразу входят в науку и, войдя, остаются в ней навсегда. При обращении к известным до сих пор южносемитским, в особенности южноарабским, надписям пользование ею совершенно необходимо; при изучении открываемых вновь она значительно облегчит работу и даст большую уверенность в ней. Дополнения и уточнения к монументальному труду Рикманса, конечно, возможны и начнут накапливаться быстро; ведь и скромная область сабейстики, несмотря на малое количество ее адептов, продолжает расти и развиваться. Уже со времени появления его работы вышел в свет новый том составленного самим Рикмансом «Репертуара» южноарабских надписей, вышли некоторые исследования Mittwoch, Schlobies и представителей австрийской школы; обнаружили и новые работники, как англичанин Beeston³.

Конечно, все они будут приносить и новый материал и новые толкования, но несомненно, что «Les noms propres sud-sémitiques» Рикманса навсегда останутся достойным памятником сабейстики середины XX в., необходимым пособием для всех, кто к ней имеет отношение в какой-нибудь степени.

В нашей стране слишком мало памятников южносемитской эпиграфики, чтобы можно было рассчитывать на выдающиеся открытия в этой области: надписи Академии наук, вероятно, надолго останутся исключением. Однако принять некоторое участие в разработке уже опубликованных материалов и обосновать свой взгляд наши ученые должны в интересах всей истории древнего мира.

Акад. И. Крачковский

Январь 1938 г.

¹ На Западе в связи с ними уже возникла некоторая литература, главнейшие явления которой я позволю себе здесь отметить ввиду большой их разбросанности. G. Ruckmans—Deux inscriptions expiatoires sabéennes, «Revue Biblique», XLI, № 3, 1-er juillet, 1932, 392—397; J. Mordtmann und E. Mittwoch—Himjarische Inschriften in den Staatlichen Museen zu Berlin, Leipzig, 1935, 35; James A. Montgomery—Arabia and the Bible, Philadelphia, 1934, 157, n. 25; R. Petazzoni—La confessione dei peccati. Parte secondo, Bologna, 1935, 312—365 (особенно 312—323); G. Ruckmans—Répertoire d'épigraphie sémitique, VII, 1936, 9—12, № 3956—3957.

² 1, XVI, № 110, 16, 18, 19, 23, 25 и др. Ср. Répertoire 1, LXXXVIII, № 802, где та же ошибка.

³ Особенно важное значение имеет его работа «Sabaeen inscriptions», Oxford, 1937, в которой им дан глоссарий, ценный не только для рассматриваемых им надписей, но и для сабейстики вообще (на эту работу уже появилась рецензия G. Ruckmans'a, «Le Muséon», L, 1937, 405—406).